

Алла ДЕМЧЕНКО

ПРИНИМАЯ БОЛЬ,
ОСВОБОДИ
ЧУЖУЮ ДУШУ

Очарование
лжи

Остросюжетный семейный роман

Алла Демченко

Очарование лжи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демченко А. А.

Очарование лжи / А. А. Демченко — «Эксмо»,
2019 — (Остросюжетный семейный роман)

ISBN 978-5-04-108081-5

В загородном доме бизнесмена Лунина все течет своим чередом, но это только на первый взгляд. Память о свершившемся преступлении не дает покоя не только домочадцам, но и врачу Саше Андреевой. Она постоянно видит погибшую жену Лунина... живой. И не только она. В смерть матери не верит и маленькая Настя, на глазах которой разыгралась страшная трагедия. Если Кристина жива, то кто тогда похоронен вместо нее и почему все члены семьи так упорно избегают Сашиных расспросов? В доме ведется изощренная и опасная игра, и опять на кону чья-то жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108081-5

© Демченко А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Тридцать лет назад	7
Москва, наши дни	10
Подмосковье	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алла Анатольевна Демченко

Очарование лжи

© Демченко А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Сознание по капельке обратно просачивалось в ее тело. И тогда облако над головой, из-за которого смотрели детские глаза, превратилось в тяжелый потолок. Женщина открыла глаза. Взгляд на короткое время сфокусировался в одной точке.

Из тумана сначала проступило окно, потом дверь и снова окно. Первое, о чем она подумала, – надо позвать... Она до конца не понимала, кого именно надо звать, и только глубже вдохнула воздух. Интубационная трубка шевельнулась. В горле засадило. Главное, позвать... Окно, дверь, потолок, девочка, дочка...

От напряжения разболелось все тело, и женщина, лежащая на реанимационной койке, еле слышно застонала.

– Сергей Александрович, Сергей Александрович, наша «потеряшка» очнулась! – Дежурная медсестра без стука влетела в ординаторскую. – Я даже не надеялась! Честное слово, не надеялась! А вы?

– Очнулась? Это хорошо, – спокойно ответил дежурный врач. – Я вот только думаю, как она раньше-то от твоего крика не очнулась?

– Да я и не кричала вовсе, – смутилась юная практикантка.

Сергей Александрович улыбнулся и машинально посмотрел на часы. Как расценивать такое событие: то ли как возвращение души из неведомых миров, то ли как второе рождение человека – доктор с многолетним стажем не знал.

– В полицию звонить по поводу «потеряшки»?

– Да погоди ты с полицией! Успеем еще сообщить.

Тридцать лет назад

На цементный завод, выросший на краю поселка, а если не считать дом бабки Людьки, то можно сказать, что и вовсе за поселком, приехал новый инженер.

Геннадий Савельев, выпускник политехнического института, на Сучковский завод приехал по направлению, отработать три года. Конечно, приложи родители усилия, и работа в Москве ему нашлась бы, но от помощи Геннадий сам напрочь отказался. Может, оно и к лучшему, повзрослеет, станет самостоятельным, решили родители и впервые отпустили двадцатитрехлетнего сына на вольные хлеба.

К самостоятельной жизни, как и к самостоятельной работе, вчерашний студент Савельев был не готов. Но, как говорится, лиха беда начало...

Рабочее общежитие, куда руководство определило молодого специалиста, Геннадию не понравилось с первых дней. Хотя бы комната отдельная, а так – подселили к такому же инженеру-первогодку. Если бы Савельев знал, что все вопросы касательно отдельной комнаты можно решить. Но ему даже в голову не пришло похлопотать за себя перед комендантом.

Жизнь в Сучкове, как и в заводском семейном общежитии, текла своим чередом и по своим законам: с постоянными детскими криками, матами, стиркой в общем умывальнике и очередями в душ.

Особенно тяжело Геннадий переносил выходные дни, когда все перечисленные прелести жизни начинались с шести утра и оканчивались далеко за полночь.

Холостяцких комнат в общежитии было немного, и жизнь у них текла иначе, да так, что через год, нажив гастрит и заметив дрожь в руках, Геннадий понял, что при таком режиме со своим хилым здоровьем оставшиеся два года он может не успеть отработать на благо государства.

Ежедневное подведение итогов за бутылкой сомнительной жидкости, купленной недалеко от проходной, здоровья никому не прибавляет. Собрав остаток слабой воли, Геннадий перебрался на съемную квартиру.

Комната, которую предложила бабка Людька, была не намного лучше общежития. Все удобства во дворе и вода из колодца и только холодная. Но обещанный свежий завтрак и горячий ужин бабка Людька постояльцу организовала, и о гастрите Геннадий на время забыл.

– Ты нос-то не вороти, а присмотришься к постояльцу, – каждый раз затевала Людька разговор с внучкой.

– А что на него смотреть? Сурово, не гладко, и смотреть на него гадко, – засмеялась в ответ Натка.

– Уж больно ты умная! А пора придет, выскочишь, не глядя, за местного алкаша! Вот тогда и посмотрим, какие у тебя прибаутки будут! – недовольно проворчала Людька.

Натка с бабкой не спорила. Спорить себе дороже. Да и права бабка. Отучилась она в городе на швею, ладится работа в руках. Деньги, хоть не большие, но имеет: сидит, сгорбившись, в ателье за машинкой день-деньской. А сколько надомной работы берет – до полночи хватает. Той платье пошьет, другой кофточку придумает такую, что в поселке больше и не найдешь. А выйдет замуж, значит, кроме беспросветной работы, еще вдобавок и мужа посадит себе на шею – не до прибауток будет.

Муж пойдет вкалывать на завод. Целыми днями на работе, а вечерами станет «козла» забивать у подъезда. Деньги принесет только те, что не успеет пропить в день получки. А потом пойдут дети. И будет она крутиться всю жизнь как белка в колесе.

Другой жизнью в поселке не жили. Так жила Наткина бабка с дедом Ильей, царство ему небесное. Так живет Наткина мать, таща на себе дом и мужа-забулдыгу. Нет, не такой жизни

хочет себе Натка. В мечтах она всегда была далеко от родного поселка, в котором все одинаково: дома, дворы, люди и даже их судьбы.

Натка, убирая в доме, бабкины наставления слушала вполуха. Говорить о постояльце ей было совсем неинтересно. Да и было б о ком. Ничего в Геннадии, что привлекло бы внимание домовитой Натки, и в помине не было. Неказистый, какой-то вялый, вечно неухоженный, с рано наметившимся животом и плешью – никакого интереса у красавицы Натки он не вызывал. Эх, больше б ему мужского характера да мужской удали – цены ему не было б в поселке.

Но для себя Натка решила твердо – замуж выходить не будет. Только бабке разве об этом скажешь. Начнет причитать, что только второсортных замуж и не зовут.

Уедет она скоро из поселка. Нашла себе работу на швейной фабрике, только рано еще об этом говорить. Вот подкопит немного денег на съемную квартиру и уедет в город, тогда и матери, и бабке скажет.

Она уже и к начальнице цеха подходила – смелости не занимать. А та к Натке отнеслась придирчиво и разговор начала с экзамена, а потом повела в цех. Только на все ее вопросы Натка ответила без запинки. И сама заметила, что понравилась строгой начальнице.

На работу она была уже готова хоть завтра выходить, да только беда с жильем – в фабричном общежитии свободных мест не было. Вот если б направление было у нее на работу, тогда и разговор другой. А так придется снимать квартиру. Правда, в отделе кадров заверили, что через пару месяцев общежитие она получит. Все получают, иначе швей и не удержат на фабрике.

После удачного собеседования Натка, на радостях, купила газету с объявлениями и прошла по адресам, интересуясь ценами на съем квартиры.

Квартиры были дорогие, но цены Натку не пугали. Заработать на съем квартиры она всегда сможет, да и небольшие сбережения в нее есть – собиралась купить машинку и швейный оверлок. «Машинка потерпит», – решила для себя Натка.

Вернувшись из райцентра, она с головой окунулась в работу, чтобы быстрее подкопить денег. Все сверхурочные были ее, дома головы от машинки не поднимала – все строчила. Даже женщины на работе стали подшучивать – никак Натка приданое готовит.

Вот бабка опять голову морочит этим Геннадием, только от уборки отвлекает. Подумаешь, через год уехала бы с мужем в город. Она и так скоро уедет. А что жить легче было бы с таким образованным, то ей и так не тяжело. Работу свою Натка любила. Вот обрадуются ее тетки на работе – конкурентка уедет! Молодежь старается заказ сделать только у Натки. Поселок-то небольшой, почти все друг друга знают.

Забеременела Натка сразу, после первой ночи, проведенной с Геннадием. И всему виной бабка Людья. Пригласила на ужин, да и ушла сама из дома. Добилась своего.

Живот у Натки рос как на дрожжах, от любопытных глаз уже было не скрыть. В поселке начали судачить, а свадьба все откладывалась и откладывалась.

Только Натка по этому поводу не унывала. Главное – дата свадьбы уже назначена, и родители Геннадия приезжали в гости. Будущие свекры были интеллигентные и, как показалось Натке, очень приветливые и заботливые, и понравились ей сразу. Смотрины прошли непривычно тихо для поселка: стол накрыли, кумовьев и соседей пригласили, но при этом никто вусмерть не напился, отец и тот, чувствуя ответственный момент, вел себя за столом тихо. Не заболел ли, еще подумала Натка. Свадьбу наметили на конец месяца.

После смотрин Геннадий, собрав пожитки, вернулся вместе с родителями в Москву. Рассудив, что после свадьбы останется перевезти только Наткины нехитрые пожитки. И прощай, поселок!

По-настоящему Натка забеспокоилась за неделю до свадьбы, когда на все ее звонки вместо нерешительного голоса Геннадия в трубке слышались короткие гудки. Как готовиться к свадьбе, кого приглашать, а главное, когда встречать Геннадия, Натка не знала.

Выждав еще два дня, Натка сама поехала в райцентр прямо к начальнику АТС и рассказала о своей проблеме с телефоном. Пусть он ей лично объяснит, что случилось на линии, что за помехи такие, что она неделю не может дозвониться до будущего мужа. И только когда начальник, пожилой мужчина, спросил адрес жениха, оказалось, что Натка толком ничего не знает. Москва – город немаленький. Осталось надеяться, что Геннадий не сегодня завтра сам приедет.

Только несостоявшегося мужа Натка так и не увидела ни за день до назначенной свадьбы, ни после. Откуда ей, наивной простушке, было знать, что не годилась она в невестки Савельевым. И сватовство они задумали лишь с одной целью – без шума увезти непутевого сына домой. А телефон отключить и вовсе большого ума не надо. А потом просто сменили номер телефона.

Через пять месяцев, осенним дождливым днем Натка родила двух девочек-близняшек. Так в Сучкове появилась еще одна мать-одиночка, что для поселка было не ново.

Москва, наши дни

Игорь Дмитриевич Лунин, генеральный директор строительной компании «Стрела», приехал на недостроенный объект лично.

Пять отдельных домов разной этажности на тысячу квартир, не считая офисных помещений, были выгнаны вровень до седьмого этажа. Жилой комплекс «Чайка» постепенно приобретал свои индивидуальные черты.

Все объекты, построенные компанией «Стрела», Лунин помнил и любил. Он любил именно такие моменты, когда прорисовывались общие черты комплекса, когда стройка в самом разгаре, когда работает отбойный молоток, гудит бетономешалка и под ногами грязь.

Лунин припарковал на временной стоянке машину и направился на строительную площадку, растянувшуюся на сотни метров. В другое время он, задрав голову, с удовольствием наблюдал бы за работой подъемного крана и слаженной работой монтажников. Сегодня Лунину было не до монтажных работ.

Ехать на стройку никакой надобности не было, но тревожные мысли не давали возможности сосредоточиться на текущих делах. Этих текущих дел у него было выше крыши, но он махнул на все рукой и покинул офис. Ему вдруг показалось, что, появившись он на стройке, как тут же найдется решение свалившейся на голову проблемы.

Лунина шантажировали почти год. Шантажировали ловко и умело, можно сказать, профессионально, но безболезненно. Вымогательство началось с тех пор, как секретарь передала ему письмо. Он тогда без особого интереса посмотрел на серый плотный конверт, на дне которого нащупал небольшой прямоугольник. Прямоугольник оказался темно-синей флешкой. Он с любопытством подключил ее к ноутбуку. Любительское видео смахивало по большому счету на дешевое порно.

Он просмотрел до конца постельные сцены, в которых играл главную роль, и остался довольным собой.

Конечно, все это кувырканье в постели выглядело довольно пошло. Но если кто-то решил, что он заплатит деньги, чтобы видео не попало в интернет, то глубоко ошибается. Платить Лунин никому не собирался, поскольку ничего порочащего и профессионально компрометирующего в этом не нашел. Вот если бы кто-то заснял встречи и озвучил откаты чиновникам департамента строительства, тогда другое дело. Но будь это так, дело вмиг решила бы его «крыша», и он бы только посочувствовал шантажисту.

Он уже собирался стереть видео, как с экрана ему улыбнулась Анита. Ее признание и обращение к его дочери повергло Лунина в шок.

А через неделю к нему на прием пришел незнакомый мужчина и положил на стол такую же темно-синюю флешку.

Непростительную ошибку он допустил в тот момент, когда открыл бумажник и бросил Эдуарду деньги. Он мог бы вызвать охрану, выставить наглеца вон из офиса и зарубить на корню даже слабую попытку вымогательства. Но он помнил каждое слово, сказанное Анитой, оттого открыл бумажник и достал деньги.

Поначалу он пытался еще что-то предпринять, а потом махнул рукой и стал платить. Сумма требовалась не так чтобы маленькая, но, подсчитав, сколько он тратит за год на женщин, Лунин смирился и даже стал относиться к досадной неприятности философски. «Сколько тратят денег мещанаты? Вот и мой ежемесячный взнос, считай, акт доброй воли», – пытался успокоить себя Лунин.

То, что аппетит приходит во время еды, Лунин и сам знал. Эта аксиома была применима в равной степени как к бизнесу, так и к шантажу. Только его «аппетит» касался заработка

денег, за которым стояли его бессонные ночи, внутренние споры и сомнения, рабочие места и налоги, которые он исправно платил государству.

Он никогда бы не заплатил деньги Эдуарду, если последствия шантажа можно было со временем искупить, исправить или забыть. Он, не глядя, давно бы уничтожил, раздавил бы Эдика, если информация с флешки исчезла вслед за ним.

А сегодня утром Эдуард позвонил и предложил увеличить выплату в два раза. Предложение звучало издевательски, и Лунин еле сдержался, чтобы не разбить телефон.

Задумавшись, Лунин прошел мимо строительных вагончиков и шел бы так дальше, если бы его не окликнул начальник стройки.

Власенко вышел из вагончика главного инженера и теперь стоял, ожидая, пока Лунин вернется обратно.

– Ты чего приехал? – Власенко спустился вниз и пожал Лунину руку.

– Кто? – Лунин кивнул головой на чужую машину.

– Пожарная инспекция пожаловала. Наверху. Скоро будут спускаться. Ты, это... – Власенко замаялся, – может, прошлый раз мало заплатили?

– Нормально. Нам что, впервой? Только, думаю, это не первая и не последняя проверка на объекте, – уверенно сказал Лунин.

– Хочешь сказать, что Ханенко до сих пор не успокоился?

Власенко задал вопрос, на который и сам прекрасно знал ответ.

– Я бы на его месте тоже не успокоился бы. Нам еще повезет, если все только проверками окончится.

На строительном рынке Ханенко с недавних пор стал прямым конкурентом компании Лунина. Конкуренция была во всем, без этого никак нельзя, если работаешь в одном секторе.

Лунин был моложе, упрямее и изворотливее Ханенко. И в последние два года, используя разные пути, чаще не самые честные, он получал более выгодные предложения от инвесторов, чем Ханенко.

– Вот только с пикетом Ханенко на этот раз опоздал, – Власенко сочно выругался.

Прошлогодний август изрядно попортил им нервы. В это самое время они начали новый объект. Только успели выкопать котлован, как Ханенко проплатил акцию протеста «зеленым», и те организовали пикет, после чего подали на компанию «Стрела» в суд, что те вырубает зеленые насаждения. Пока суд да дело, пока доказали, что деревья вырубали точно и осенью начнут озеленение, превышающее в несколько раз причиненный урон, – стройку пришлось приостановить. На суде они предъявили накладные на закупку саженцев и суд легко выиграла, но время потеряли, из графика выбились, и пришлось аврально вкладываться в поджимающие сроки.

– Ладно, пойдем послушаем, какие недочеты нашли на этот раз.

Лунин первым направился к подъезду третьего дома.

Игорь Лунин, баловень судьбы и женщин, высокий, статный, с чутьем денег и выгоды, был полной противоположностью флегматичного Власенко, на котором держалась вся рутинная работа строительного бизнеса.

Власенко плелся позади Лунина, матеря на чем свет стоит комиссию. Своих дел хватало и без пожарных. Один ляп с цементом чего стоит.

За долгие годы, проведенные на стройке, Власенко выработал в себе стойкое чувство недоверия к поставщикам всех марок и мастей. Старые поставщики старались лишний раз не нарваться на Власенко, зная, что обмануть того – себе дороже. Но это старые...

Цемент он заказал у нового поставщика, и хорошо, что сам проверил поставку. По цвету марку цемента, конечно, не отличишь, но сомнения закрались, и он собирался отправить пробу в лабораторию, но так и не успел. Приехал пожарный надзор.

Лунин сетования Власенко на поставщика не слушал. Он вообще не умел никого слушать, кроме себя. Все решения принимал сам. К цели, если она касалась бизнеса или женщин, шел напролом. Пер как танк. Многим это нравилось. Особенно женщинам.

Где Лунин находил всех этих моделей и начинающих певичек, которые присасывались к нему словно пиявки, способные высосать все до копейки, Власенко ума не мог приложить. Вначале он даже с некоторой завистью наблюдал за Луниным. Но женщины так стремительно менялись, что со временем Власенко утратил не только счет, но и живой интерес к происходящему.

– Каску принести?

– Да иди ты со своей каской, – беззлобно отмахнулся Лунин. – Пожарные – это не техника безопасности. Какое им дело до моей головы? Будем ждать внизу.

Лунин с надеждой посмотрел вверх, пытаясь определить место нахождения пожарной инспекции. Подниматься своим ходом на седьмой этаж Лунин, в отличие от пожарной инспекции, не собирался.

– Внизу так внизу. – Власенко устало опустил на затоптанные ступеньки. – Присаживайся. Ты чего, собственно, приехал?

Он посмотрел на Лунина и улыбнулся. Присесть тот, естественно, не мог – не позволял дорожный костюм. Костюм действительно был от «Кардена» и стоил, как несколько квадратных метров в этой новостройке.

– Надо поговорить.

– Позвонил бы.

– Не телефонный разговор. – Пожарная инспекция спускалась вниз, и Лунин замолчал.

Никакого конструктивного разговора с инспекцией не получилось. Замечаний было много, но Лунин профессионально отличал выдуманные проблемы от настоящих. Ничего серьезного, что могло бы приостановить стройку, пожарные не нашли.

Было понятно как божий день, что вся возня вокруг стройки кому-то на руку. Лунин знал кому. Он еле сдержался, чтобы не послать куда подальше пожарных, а заодно и Ханенко. Власенко побагровел, наблюдая за спектаклем.

Но стоило машине с пожарными скрыться со строительной площадки, как приехала служба Горгаза.

– Похоже, у нас сегодня день открытых дверей. – Власенко опять выругался. – Может, организовать и Ханенко такой же день открытых дверей?

– Не трать силы. Пусть тешится, раз ему заняться больше нечем. Я поеду. Когда придет результат по цементу, перезвони мне сразу.

– Перезвоню. Как Настя? – напоследок спросил Власенко.

– Спасибо, хорошо. Вернее, ничего хорошего. Вернулись на той неделе из Израиля. Да толку...

– А врачи что?

– А что врачи? Ничего.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной? – вспомнил Власенко.

Лунин махнул рукой. В следующий раз.

* * *

Во второй половине дня пришла долгожданная прохлада. Небо заволокли тучи, сверкнула молния, и хлынул дождь. Дворники не справлялись с потоком воды и только скрипели по стеклу. Юрий Николаевич Степанков, сидящий за рулем иномарки, пребывал в мрачном настроении. Для этого было две причины.

Во-первых, доктор наук с детства боялся грозы и замкнутого пространства. И случись непогода на полчаса раньше, он ни за что бы не сел за руль.

Второй причиной плохого настроения было нарушение спланированного и тщательно выверенного графика приема пациентов. Звонок Галины Адамовны заставил его отменить последующие консультации и срочно поехать на незапланированную встречу.

Сетуя на погоду, Степанков проскочил Хлебозаводский проезд. И если бы не уткнулся в пробку, так бы и ехал дальше по Варшавскому шоссе. Быстро развернувшись, он направился в обратную сторону, подсчитывая зря потерянное время.

Последний раз он был здесь два года назад, сразу, как только Настю выписали из больницы.

Юрий Николаевич медленно въехал во двор, стараясь припарковать машину поближе к подъезду. Открыв зонт, он в два шага преодолел расстояние до входной двери и так же быстро набрал четыре затертые цифры кодового замка. Зайдя в подъезд, он даже подумал о лифте, но, опять вспомнив замкнутое пространство, не стал бороться со своим страхом и пешком направился на пятый этаж.

– Юрочка, спасибо, что приехал. – Галина Адамовна стояла у двери. – Я тебя увидела из окна. Ты извини меня, что опять к тебе со своими проблемами. Я бы и не отрывала тебя от дела, но Игорь сказал, что завтра сможет нас отвезти в загородный дом.

Галина Адамовна умудрялась одновременно говорить, обнимать и подталкивать Степанкова в гостиную.

– Галина Адамовна, а в чем тогда заключается дружба, если за помощью неловко обратиться? И к кому тогда обращаться, если не к друзьям? Я обувь сниму. – Степанков пытался остановиться в прихожей.

– Какая обувь? Проходи, проходи. Марковна уберет.

– Марковна еще жива? – удивился Степанков. – Вот и не верь после этого в вечность.

– Проходи. Я пироги испекла с черникой. Как ты любишь.

– За пироги спасибо. Помню, вы матери рецепт давали, но она сказала, что у нее для такого дела недостаточно образования.

– Возиться не хотела, вот и отговорки находила. Хотя с тестом действительно столько мороки. Может, и хорошо, что Елена не пекла пироги, был повод приезжать к нам в гости.

Родители, сколько себя помнит Степанков, дружили семьями, а ему приходилось дружить с Игорем. Настоящей дружбы, правда, не получилось, слишком разными они были, но дружеские отношения сохранили до сих пор.

– Юра, мы на днях вернулись из Израиля. Спасибо тебе за совет. Я действительно немного отдохнула. А вот Настя...

За два года, что они не виделись, Галина Адамовна почти не изменилась. Все такая же моложавая, пусть и за счет косметической хирургии, но разве женщине можно запретить быть красивой. Ровный свежий загар свидетельствовал о недавнем возвращении Луниной в Москву.

– Как Настя? Совсем не разговаривает?

Галина Адамовна мотнула головой и приложила салфетку к глазам.

– Юрочка, я чего тебя и попросила приехать – посмотри сам Настю. Может, еще что посоветуешь. Я все сделаю.

При этих словах Галина Адамовна сразу как-то постарела. И теперь напротив Степанкова за столом сидела совсем другая, убитая горем женщина.

– Галина Адамовна, я же вас сразу предупредил...

– Ну, что ты, Юрочка, разве я тебя упрекаю. Я и сама все понимаю, только мне больше не к кому обратиться. Игорь махнул на все рукой. Что хотите, то и делайте.

Галина Адамовна накрыла своими узкими холодными ладонями широкие руки Степанкова.

– Ты спешишь? – спохватилась Лунина. – Настя уснула перед самой грозой. Разбудить?
– Может, сама еще проснется. Галина Адамовна, а где же ваши пироги?

Ни чаю, ни пирогов Степанков не хотел, и о чем пойдет речь во время чаепития, он знал с того момента, как поднес к уху телефон, как и знал, что ничем не сможет помочь.

– Вот и пироги.

Галина Адамовна вернулась в столовую, неся тарелку с пирогами. Золотистому чуду, пахнущему медом, ванилью и еще какими-то кулинарными секретами, удалось пробудить аппетит у Степанкова, и он с удовольствием потянулся к пирогам.

– Игорь не приедет? – спросил Степанков, запивая чаем пирожок.

– О чем ты говоришь? Встретил в аэропорту и на том спасибо. Чемоданы занес и сразу умчался. На стройке у него какие-то проблемы. Ходит сам не свой. – Галина Адамовна отломала часть пирожка и, передумав есть, положила обратно себе в тарелку. – Знаешь, Игорю совсем нет дела до Насти. Особенно последнее время. Что-то с ним происходит. Мне ничего не говорит, но я-то чувствую, – горестно вздохнула Галина Адамовна. – Нет, денег он, конечно, не жалеет, ты же сам видел, – тут же поправила допущенную неточность Лунина. – А вот чтобы возле Насти минутку лишнюю посидеть – нет. Все у него дела неотложные. Еще одну сиделку нашел. Но что чужой человек? Мне, конечно, легче. А потом... все эти его женщины. Господи, что я говорю, – оборвала сетование на сына Галина Адамовна. – Юра, бери еще пирог. Остальные я тебе заверну.

Пироги были очень вкусные, напоминали детство и родителей. Мать никогда не пекла таких пирогов. Она вообще не пекла никаких, говоря, что на пироги нужен отдельный талант, который ей не достался.

– Юрочка, – совсем по-домашнему обратилась Галина Адамовна, – найди мне такого человека, который поможет Насте.

– Галина Адамовна, вы же сами знаете – я сделал все, что мог. Осталось только одно – набраться сил и ждать. Медицина пока бессильна. Должно что-то произойти, что заставит Настю опять ходить и говорить. Надо ждать.

– Я умру, и Настя останется одна совсем беспомощной. Кому она будет нужна? Игорь, конечно, дочь не бросит, оплатит сиделок, и на этом все. – Голос дрогнул, и Галина Адамовна, достав платок, промокнула влажные глаза.

Степанков неопределенно кивнул головой. Этот кивок Галина Адамовна расценила по-своему.

– Спасибо тебе, Юрочка. Я вдруг почувствовала, что ты сможешь помочь, поэтому тебе и позвонила.

– Хорошо, я что-то придумаю. У меня есть коллега, правда, у нее свои взгляды на болезни и на лечение, но попробовать можно, – неуверенно сказал Степанков.

– Юрочка, как подумаю, то я сама виновата. Если бы я раньше опомнилась, то все было по-другому. Все думала, что само образуется. Надеялась на Игоря. А оно видишь как все как обернулось...

Последнюю фразу Галина Адамовна произнесла еле слышно. Степанкову показалось, что Лунина разговаривает сама с собой.

– Пойдемте, посмотрю Настю.

Галина Адамовна с благодарностью посмотрела на Степанкова.

Девочка лежала на диване в гостевой комнате. Худенькое беспомощное тельце укрыто теплым пледом. Черты лица немного заострены, и от этого девочка издали была похожа на сморщенную старушку.

Юрий Николаевич присел на стул, стоящий возле кровати, и прошупал пульс – это все, что он мог сделать. На его прикосновение девочка открыла глаза и, как ему показалось, слегка улыбнулась.

В таком состоянии Юрий Николаевич Степанков впервые увидел Настю в отделении детской нейрохирургии. Состояние было средней тяжести. Ничего сверхсерьезного у девочки, кроме легкого сотрясения мозга и многочисленных ушибов, полученных в результате ДТП, не было. По всем законам природы, физиологии и медицины в целом, Настя должна была быстро идти на поправку. Но ничего подобного не случилось. Причину обездвиженности нижних конечностей врачи ничем не могли объяснить, как не могли объяснить и потерю речи.

Привычная и размеренная жизнь Галины Адамовны в один миг разделилась на две части – «до» и «после» аварии. Настю обследовали и пытались лечить в разных клиниках, но безрезультатно – девочка ходить так и не стала, как и говорить.

На чудо израильской медицины он, конечно, не надеялся. Но смена обстановки, новые лица, другая страна, такие же парализованные дети в клинике Шнайдер, по мнению Степанкова, все это и должно было благотворно сказаться на здоровье девочки. Никакого чуда израильская медицина не сотворила. Единственное, что его порадовало, – оптимизм Галины Адамовны.

– Я сделаю все, что в моих силах, – уже в который раз повторил Степанков, вернувшись обратно в столовую.

Безмолвный вопрос Галины Адамовны «когда» он оставил без ответа.

– Я знаю. Спасибо тебе, Юрочка. Беги. У тебя дел полно.

Галина Адамовна быстро упаковала остатки пирогов и направилась вслед за Степанковым в прихожую.

* * *

Тимофеева лежала на кушетке, прикрыв глаза. Напрасно она приехала в эту клинику. С таким диагнозом, как у нее, уже поздно ходить по врачам. Подруга настояла. Теперь та сидит в коридоре, а она лежит в кабинете на кушетке. И толку от этого? Все эти консультации – напрасная трата денег.

О деньгах она подумала мимоходом. Для приличия. Деньги были. «Как они будут жить без меня? Муж женится. Подождет немного и женится. Только Лешку жаль. Кто будет следить за правильным питанием? А ведь ему надо исключить холестерин. Стал набирать вес. Сколько раз говорила – не покупайте полуфабрикаты. Все без толку. Спорт забросил. Дел, говорит, много. Не до спорта. Юля на Кипр хочет. Вот он и пашет сутками. Какое питание, какой спорт? Когда о нем думать? Деньги на отдых мы дали бы. Разве это проблема? Не такие и большие деньги, только Юля не возьмет, – с раздражением подумала Тимофеева. – Мужчина должен сам содержать свою семью. Год после института. Да еще квартира съемная. Могли б спокойно жить с ними, тогда бы и деньги на отдых были. Так нет. Мужчина должен содержать свою семью сам. Вдолбила это, как дятел, в голову сына. Сколько девушек было на курсе, а он, кроме этой Юли, никого не видел. Было бы на что смотреть», – вздохнула Тимофеева.

Лежать на кушетке было неудобно. Места достаточно, а все равно неудобно. Врач молча сидела рядом. Светлана Игоревна слегка приоткрыла глаза. Она давно хотела посмотреть, чем та занята. Может, смотрит результаты обследования? Нет. Как сидела, так и сидит. «Шарлатанство. С таким успехом я и дома могла бы лежать. Притом – бесплатно». – Тимофеева снова закрыла глаза.

– Светлана Игоревна, вы очень боитесь смерти. А рака у вас нет. Вы ведь этот диагноз имели в виду, когда говорили, что вам жить осталось совсем мало? – Саша прикоснулась к руке пациентки.

– Я этого не говорила, – растерялась Тимофеева.

«Или все-таки говорила? Рака нет, тогда что у меня? Да и откуда ей-то знать, что есть, а чего – нет? Даже результаты обследований не посмотрела».

– Светлана Игоревна, назовите имена людей, которых вы очень любите.

Голос доктора звучал мягко и доверительно. Просьба несложная. Да и сколько тех людей, по-настоящему любимых и дорогих.

– Валера и Алексей. Сын и муж.

– А теперь назовите тех, кого не любите.

– Да и нет таких.

Тимофеева задумалась. Никто не приходил на ум.

«С соседкой по даче недавно поругалась. Так сама и виновата. Да и помирились уже. Новая директор библиотеки предупредила: при сокращении первыми уволят пенсионеров. Но за что мне ее не любить? Зачем мне теперь работа? Уволят пенсионеров – значит, уволят. Сколько жить осталось? Может, так даже лучше. Буду заниматься дачей. Внуков бы еще. Только уже не доживу до внуков», – печально подумала Тимофеева.

– Хорошо. Светлана Игоревна, тогда подумайте и скажите, какую женщину вы ненавидите? Кто она?

– При чем здесь нелюбовь и ненависть. Главное – есть люди, которых я люблю.

«Мужчина, если он мужчина, должен содержать свою семью сам». – Лицо невестки всплывало в памяти Светланы Игоревны.

– Подумайте хорошо. Не спешите.

Врач сидела напротив в удобном кресле, а она отлеживала бока, отвечая на пустые вопросы, тратя деньги. Вот так и слушай советы подруг.

– Да что там скрывать – невестку не люблю. Юлей зовут.

– Светлана Игоревна, – голос доктора звучал успокаивающе, – скажите, с кем вы ее обсуждаете? Кому из близких или знакомых говорите о своей нелюбви к ней?

– Да разве такое будешь обсуждать с посторонними? Мне сына жаль. Не повезло ему с женой.

– Хорошо. Тогда постарайтесь описать чувство нелюбви, которое вы испытываете к невестке.

Тимофеева задумалась. Просьба показалась ей совсем уж глупой.

– Не перевариваю ее. На дух ее не переношу. Прямо тошнит от одного ее вида. Не знаю, что бы сделала, если бы только вернуть время назад. Жениться сыну точно запретила бы. Институт надо было вначале окончить, на ноги стать, а потом – жениться. Только, видите ли, у него любовь с первого взгляда.

Высказавшись в свое удовольствие, а чего скрывать-то, Тимофеева ошарашенно посмотрела на Александру.

– Хорошо. Светлана Игоревна, а теперь опишите мне симптомы своей болезни.

– Ну, во-первых... – Тимофеева, обрадовавшись, что врач наконец-то перешла к делу, начала подробно перечислять симптомы своей болезни.

– Вы заметили, как ваши симптомы болезни схожи с теми чувствами, которые вы испытываете к невестке?

– Доктор, неужели вы серьезно считаете, что моя болезнь – надуманность и виной всему моя нелюбовь к невестке?

– Светлана Игоревна, к сожалению, ваша болезнь не надуманность. Язва желудка у вас есть. Но это не приговор. Причину, почему у вас образовалась язва в желудке, вы сами нашли. А как уже дальше быть – зависит от вас самой. Вы можете продолжать обследование и лечение, а можете изменить свое отношение к невестке. Полюбить ее, как любите своего сына. Это значительно сложнее, чем принимать лекарство, но тогда болезнь сама уйдет и жить всей вашей семье станет легче.

Тимофеева давно ушла. Рабочий день уже час, как добежал до логического конца. Саша открыла ноутбук и стала просматривать записи пациентов на завтра. На прием зарегистриро-

валось три человека. Тимофеева записалась на четверг. «А ведь как сначала была настроена. Умирать собралась. Прочла в интернете все, что только можно, и сразу же нашла все симптомы у себя». Саша закрыла ноутбук и посмотрела в окно. Ей вдруг стало грустно.

Она любила свою работу, только не эту, а прежнюю – в неврологическом отделении городской больницы, с ежедневной суетой, приездом «Скорой» и беспокойными ночными дежурствами.

Она любила утреннюю суету и ежедневные пятиминутки в кабинете заведующего. У нее были сложные больные, и она возилась с ними: назначала им обследования и консультации смежных специалистов. И радовалась их успехам.

А еще там остался ее коллектив, с которым она была вместе с первого и до последнего своего рабочего дня в больнице. Здесь тоже был коллектив и тоже маленький, но кофе здесь, как и положено, варила кофемашинка и никак не Елизавета. И говорить о пациентах здесь было не принято, и консилиумы собирать не приходилось. И еще – здесь не было никого, похожего на Дудника, с его научными регалиями и вечной торопливостью.

«Надо созвониться и обязательно заехать к ним в поликлинику», – подумала Саша. Затем она пересела за рабочий стол и открыла тумбу. На дне пустого ящика лежала фотография. Она уже неделю смотрела на нее каждый день. «Вот и я люблю своего мужа, – вздохнула Саша. – А любит ли меня Стрельников, я не знаю». Настроение, и без того не самое радужное, окончательно испортилось.

* * *

Степанков открыл без стука дверь и стоял на пороге кабинета, закрыв собой почти весь проем. Саша быстро закрыла тумбу и заставила себя улыбнуться.

– Ты чего так хитро улыбаешься работодателю?

– Я, Степанков, улыбаюсь своим мыслям. Притом очень грустным.

– Так улыбаются не мыслям, а только неприличным мыслишкам. Скажешь, я не прав?

– Смотрю на тебя, Юрочка, и думаю, что набираешь ты вес не только в научном мире. –

Саша постаралась перевести разговор в беспечное русло.

– Нет. Все под контролем. Это дверь меньше стандарта. А ты от ответа не уходи.

Степанков оттолкнулся от двери, прошелся по кабинету и уселся в кресло напротив нее.

– У меня к тебе серьезный разговор. Хорошо, что не уехала, а то пришлось бы вечером напрашиваться в гости. Хотя идея попасть на ужин меня вполне устраивает.

– Ну, раз я здесь, начинай, радуй.

– Саша, надо, чтобы ты съездила к моим хорошим знакомым. Вот так надо.

Степанков провел рукой по горлу, что означало «позарез».

– То есть как – съездила? Мы же не консультируем на дому.

Холодок образовался между лопаток. На руках выступила «гусиная кожа».

– Это особый случай. У меня есть приятель Игорь Лунин. Наши родители дружили семьями. Потом у Игоря отец умер, а мои уехали в Германию. Но отношения мы поддерживаем до сих пор. У него проблема с дочкой. Насте восемь лет. Два года назад она вместе с матерью попала в аварию. Мать отделалась легким испугом, а девочка прикована к коляске и не разговаривает. Хотя изначально у Насти диагностировали только легкое сотрясение мозга, были еще ушибы мягких тканей, но ничего серьезного, что могло повлечь такие последствия.

– Почему проблема только у твоего друга? А где мать девочки?

– Представь, мать погибла через год в очередном ДТП. Хотя и говорят, что снаряд в одну воронку дважды не падает, но...

– Н-да. Юра, а я чем могу помочь?

– Ты – ничем. – Степанков поднял руки, предвидя Сашину реакцию. – Но как я мог ей отказать? Ты бы видела Галину Адамовну. Что мне было делать? Ты бы сама, случись что, отказала б в помощи своей Елизавете или Дуднику?

– Конечно, нет. Хорошо. Я посмотрю девочку. Когда и куда ехать?

Холодок образовался между лопаток и начал медленно сковывать позвоночник. Захотелось выпрямить спину. Саша постаралась немного расправить плечи и незаметно потянулась всем телом.

– Когда соберешься, тогда и поедешь, – успокоил ее Степанков. – Это не к спеху. Единственное неудобство – придется ехать за город, почти сто километров. Зато природа, тишина, отдохнешь от городской суеты и жары.

– Ты хочешь сказать, что я должна еще там и жить? – недоуменно спросила Саша.

– Саша, я тебя очень прошу. Хочешь, я поговорю с твоим Стрельниковым?

– При чем здесь Стрельников? Юра, я вообще тебя не понимаю, зачем эта поездка с проживанием?

– Я обещал. Понимаешь, если ты приедешь, как я сегодня, помотришь Настю и уедешь обратно, то Галина Адамовна снова мне будет звонить и будет переживать.

– Юра, если б от этой поездки был хоть какой толк, а так...

– Я Галину Адамовну предупредил, что результата не будет. Прошло почти два года. Настя не восстановится. Но я обещал.

– Хорошо. На выходных я съезжу и посмотрю девочку.

– Саш, а вдруг ты поможешь? – оживился Степанков. – Вспомни своего адвоката. Разве кто мог тогда подумать, что Лагунов пойдет на поправку?¹ А?

– Еще неизвестно, кто ему больше помог – ты или я, – отмахнулась Саша.

– Здрасьте, приехали! Без тебя он вряд ли дожил бы до встречи со мной. Я, конечно, своих заслуг не умаляю, но и чужих себе не приписываю.

– Юр, прекращай меня уговаривать. Я же сказала – поеду.

Натянутая струна в позвоночнике ослабла. Дышать Саше сразу стало легче. Ощущение легкости к ней приходило всегда, когда она принимала правильные решения.

– Я знал, что ты не откажешься. Слушай, а ты, случайно, не заболела?

Саша мотнула головой. Степанков должен попрощаться и уйти. Не хватало еще расплатиться при нем. Только Юра Степанков, вместо того чтобы покинуть кабинет, только удобнее уселся в кресле.

– Ну? Что у тебя стряслось? Проблемы со Стрельниковым?

Вместо ответа Саша расплакалась.

Последний раз она так плакала, когда осталась без работы – полгода назад. Плакала она тогда молча, уткнувшись в подушку, чтобы Стрельников не видел слез. И плакала она вовсе не от того, что осталась без хлеба. Было до слез обидно, что после ухода Владимира Ивановича на пенсию в отделении, к которому она приросла всей душой, работать стало невозможно.

Светлана Валерьевна Быстрицкая, красавица модельной внешности, до этого работавшая невропатологом в их же поликлинике, коллективу не понравилась с первого дня. И дело было вовсе не в модельной внешности нового руководителя.

К своим тридцати годам Светлана Валерьевна развелась со вторым мужем, защитила кандидатскую диссертацию, успешно окончила курсы вождения и самостоятельно села за руль новенькой машины, которую ей подарил очередной кандидат в мужья.

Новая заведующая отделением к своим обязанностям приступила резво. Маленький врачебный коллектив, состоящий из Дудника, Елизаветы и Саши Андреевой, привыкший к интел-

¹ Речь идет о событиях, описанных в романе Аллы Демченко «Горький привкус счастья».

лигентному Владимиру Ивановичу, с трудом понимал и не всегда выполнял часто противоречивые распоряжения Быстрицкой.

– Понимаете, Светлана Валерьевна, – Саша пыталась внести ясность, – у нас раньше пациенты, если поступали вторично, то к тем докторам, у кого они прежде лечились. Мы за годы работы уже выучили своих пациентов, особенно тех, кто постоянно лечится. Так всем лучше.

– Кому это – всем? Всем лучше не может быть по той простой причине, что так не бывает в принципе. Просто раньше, Александра Ивановна, у вас был полный бардак. А я хочу всего лишь навести порядок в отделении. Так что свое мнение оставьте при себе. Это касается всех. – Светлана Валерьевна обвела взглядом ординаторов и вышла из кабинета.

– Ну и что это было? – задала риторический вопрос Елизавета.

– Это, Елизавета, новая метла. А она, знаешь, метет по-новому. Возьмет и выметет нас всех скопом. – Дудник аккуратно сложил истории болезни в папку и посмотрел на притихших женщин.

– А с кем тогда будет работать твоя метла? – не удержалась Саша.

– Да ей без разницы. Я думаю, что она просто комплексует. Молодая, желчная, опыта никакого, вот ей и кажется, что мы ее подсадить хотим. Мы-то, конечно, ее не подсаживаем, но работать с ней мы не хотим, – уточнил Дудник. – И она это понимает. Скажете – я не прав?

– Конечно, ты прав, – вздохнула Саша. – Заведующей должна была стать Елизавета. Тогда бы и Владимир Иванович остался в отделении. И работали бы мы себе как прежде, а так одна нервотрепка.

– Дудник, теперь и у тебя мужские палаты будут, а то все женщины да женщины.

– Злая ты, Елизавета, – беззлобно огрызнулся Дудник.

Быстрицкая, будучи не семи пядей во лбу, быстро смекнула, что авторитет в коллективе она вряд ли завоюет, и решила действовать другим, более простым способом, придя к выводу, что лучше, если этого коллектива не будет вовсе. А с молодежью она как-нибудь и сама справится.

Неизвестно, как Быстрицкой удалось убедить главврача, а может, убедили главного друга, но идею кадровой ротации тот поддержал сразу, в результате чего Дудник и Елизавета срочно ретировались в поликлинику, а молодые кадры перешли на их место в отделение. Никаких нарушений в этом переводе не было, все было в пределах закона, и главный с легкостью подписал указ. Кому думать о повышении квалификации молодых врачей, как не заведующей отделением.

Бороться с ветряными мельницами в одиночку Саше было не по силам. Заявление на увольнение главврач ей подписал сразу, особо не вникая в причину. Скорее всего, Быстрицкая заранее внесла ясность.

Ровно месяц ее хватило на роль домохозяйки. Она начала рано просыпаться, готовила Стрельникову завтраки до тех пор, пока он попросил не путаться утром под ногами. После чего она готовила только ужин. От безделья она еще раз убирала после приходящей домработницы квартиру и до слез жалела себя...

А еще через месяц, когда она устала себя жалеть, вечером без предупреждения к ней заехал Степанков. Его предложение звучало как авантюра.

– То есть ты мне предлагаешь стеречь кабинет в твоей клинике, пока твоя сотрудница в декретном отпуске? – сделала вывод Саша.

– Не будь у тебя Стрельникова, я бы тебе предложил место своей секретарши, – хохотнул Степанков, – а так предлагаю врачебную должность. А потом все образуется в твоём отделении, и ты вернешься обратно.

– Юра, что ты говоришь, в какое отделение? Как я туда вернусь? – сквозь слезы спросила Степанкова Саша.

– Все еще уладится. Ну сама посуди, отделение у вас тяжелое, интеллектуально обескровленное. Сколько оно так продержится? До первых жалоб пациентов. А они, эти жалобы, как пить дать, будут. А главному это надо? На должность он Быстрицкую назначил опрометчиво. Может, спит с ней, может, по звонку. Сама подумай, какой главный будет из-за этого подставляться? Так что потерпи от силы год, и все образуется.

– Юра, я не пойду к тебе работать.

– Правильно, не иди, – согласился Степанков. – Только, когда твой Стрельников станет смотреть на других, пеняй на себя.

– Это ты сейчас к чему сказал?

– Послушай меня: женщина с кислым лицом, недовольная собой, с тарелками и переказами телевизионных сплетен мужчине становится со временем неинтересной. Если ты не веришь мне как другу, то поверь мне как доктору наук.

Степанков говорил таким тоном, словно открыл ей тайну за семью замками, и сделал при этом такую мину, как будто проглотил лимон.

– Верю, – грустно улыбнулась Саша. – Можешь ты, конечно, убедить. А вернее – запугать.

– Я завтра в восемь заеду за тобой.

А потом Степанков начал подтрунивать над ее кулинарными способностями, но от ужина не отказался.

* * *

Центр психологической помощи, который открыл Степанков, арендовал крыло второго этажа ничем не примечательной городской поликлиники. У регистратуры толпились больные, пахло лекарствами и еще чем-то специфичным для больницы. Возле лифта висел знакомый лозунг, гласивший, что ходьба – залог здоровья. Даже лестница была такая же, как в ее больнице. Так же местами ободранные перила, немного обваленные ступеньки, стоптанные сотнями ног. Все было таким до боли знакомым и родным. Но стоило Степанкову открыть дверь в свое отделение, как сходство с поликлиникой заканчивалось.

В коридоре с потолка лился мягкий свет, возле кабинетов стояли удобные кожаные кресла. Первый кабинет с бронзовой табличкой, гласившей, что за этой дверью ведет прием заслуженный врач, доктор наук и профессор, принадлежал непосредственно ее институтскому другу и владельцу частного центра психологической помощи «Ваше здоровье» Юрию Николаевичу Степанкову.

– Ты на табличку не смотри. Хотя некоторые приходят только из-за таблички. Потом будет чем похвастаться – была на приеме у... дальше смотри по тексту, – Степанков радушно балагурил, минуя свой кабинет – Проходи дальше.

Степанков открывал двери кабинетов одним ключом.

– Смотреть особо нечего. Все стандартно. Ключ тоже один. С ключами не сложилось, растерялись. Представь, от квартиры не теряют, а от кабинета – пожалуйста. Я решил – не стоит заморачиваться – и распорядился всем врезать одинаковые замки.

Нестандартный подход Степанкова к решению чисто бытовой проблемы рассмешил Сашу.

Кабинеты с добротным современным ремонтом и минимумом мебели действительно были похожи между собой как близнецы: напротив двери рабочий стол, справа – еще один, только пониже, с двумя креслами. А между окнами – низкий кожаный диван. Окно плотно закрывали жалюзи. В кабинете царил полумрак.

– Для полноты картины не хватает свечей, благовония и карт. – Саша, как ни старалась, но от пришедшей в голову мысли не сдержалась и прыснула со смеху.

– Что, представила себя в балахоне? Пойдем, покажу комнату отдыха.

Осмотр небольшого отделения завершился в кабинете Степанкова.

– Юра, все, на что я гожусь, – работать смотрителем кабинета.

Саша вернулась к вчерашнему разговору, и непрошенные слезы сами по себе навернулись на глазах.

– Смотрителем – это как? Простите, какое образование вы получили для такой должности?

– В том-то и дело, что нужного образования у меня нет. Я умею только ставить диагноз и лечить больных. Я ни малейшего представления не имею, что мне здесь делать. Вот скажи, чем я буду заниматься завтра?

– Саша, тому, чем ты владеешь, нельзя научиться. Твоя интуиция, знания, умение слышать людей – это главное в нашей работе, – начал объяснять Степанков.

Он был прав. Тому умению, которым она владела, действительно нельзя было научиться. Ей было достаточно посмотреть на человека, прикоснуться к его руке, и она знала все его проблемы. Она чувствовала страхи, тревоги, злобу и зависть, жившие зачастую в душе человека, которые не определялись ни одной диагностической аппаратурой и приводили к болезням.

Если бы этому чутью можно было научиться, то она точно учиться не стала.

До поры ей было самой интересно заглядывать в будущее и предугадывать события. Повзрослев, она быстро поняла, что ничего интересного в этом занятии нет. Но умение душой улавливать чужую боль, переданное по наследству от деда, жило в ней независимо от ее желаний. Иногда ей казалось, что она всего лишь безмолвный проводник чьей-то воли в этом мире. Зачастую к ней за помощью обращались души тех, кто ушел из этой жизни, не окончив свои земные дела.

– Завтра примешь тех пациентов, кому просто хочется поговорить. Я сам их к тебе направлю. А дальше будем смотреть по ситуации.

– Утешил.

– Саша, ты просто зациклилась на своем отделении. Ну, так как? Ты согласна?

– Юр, ты покажи вначале кабинет, который я буду сторожить. Я там посижу, подумаю и дам тебе окончательный ответ.

Полгода назад она зашла в этот кабинет и поняла, что это и есть ее рабочее место. Она ощутила, как между лопатками пробежал холодок. Так, как обычно бывает, когда она принимала правильное решение.

С тех пор и до сегодняшнего дня она ни разу не плакала. Саша вытерла ладонью набежавшие слезы. Потом достала фотографию и протянула ее Степанкову. На фотографии были Стрельников и незнакомая женщина.

– Откуда сей шедевр?

– Кто-то прислал на рабочую почту. Я распечатала и теперь люблюсь, – с горечью ответила Саша.

Молодая, значительно моложе ее женщина опиралась на руку Стрельникова. Вывеска позади них оказалась смазанной, или фотограф специально выбрал такой неудачный ракурс. Фасад здания можно было принять и за ресторан, и за гостиницу. Выбери что хочешь. Пара выглядела счастливой.

Подмосковье

Ольга Дмитриевна Демидова с неподдельным интересом смотрела на детей. Вот уже год она преподает в школе труд, а все не перестает удивляться, как эти детские ручонки так ловко справляются с шитьем.

Девочки сидели за швейными столами в одинаковых фартуках и нарукавниках. Яркие, цветастые косынки, сшитые из лоскутков, прятали волосы, и детские головы напоминали полевые цветы. На первый взгляд все девочки одинаковые как цыплята. Но это только на первый взгляд.

Вот Ксения – и умничка, и труженица, но рукоделие не ее конек. Ей бы выбрать другой кружок. Надя Кривцова – та на все руки мастерица. Вот у кого чувство стежка, линии. Такую и учить не надо. До всего сама доходит, все схватывает на лету.

«Откуда я сама знаю, как должен ложиться стежок, как линия должна обходить лекало? Откуда? Кто и когда меня саму этому учил?»

Последнее время ее все больше тревожили вопросы, на которые она не знала ответа.

«Потеря памяти – самое загадочное и неизученное явление в психиатрии, но вы молоды, у вас вся жизнь впереди, и время для жизни есть, и ваша память еще успеет к вам вернуться. А пока просто живите. Прислушивайтесь чаще к себе и, главное, не отчаивайтесь. Это не самое легкое испытание, но коль оно выпала на вашу долю, то осталось надеяться только на лучшее», – пыталась обнадежить Ольгу пожилая врач-психиатр.

И она не теряла надежды. Она помнила всю свою жизнь, все до мельчайших подробностей с тех пор, как очнулась в реанимационной палате. Она даже потолок помнит, который норовил упасть на нее, и лицо медсестрички, и ее звонкий голос. Все события последних двух лет она смогла вспомнить поминутно. Но что было до того, как ни силилась Ольга, но вспомнить не могла. Была ли она счастлива? Какое было ее счастье? Как ее звали в прошлой жизни? Сколько ей лет?

Из врачебного заключения, полученного при выписке из больницы, о себе она знала только то, что ей больше тридцати лет, что физически она полностью здоровая и когда-то родила ребенка, а в больницу попала с тяжелой черепно-мозговой травмой, повлекшей за собой полную амнезию.

Засевшая мысль о ребенке ее тревожила больше всего. Ольга ловила себя на мысли, что не пытается вспомнить мужчину, который был с ней. «А может, мужчины не было в моей жизни, поэтому я и не думаю о нем, не стараюсь вспомнить его? Тогда кто у меня был: родители, братья, сестры? С кем теперь мой ребенок?»

В последнее время, лежа в постели, она подолгу всматривалась в потолок в надежде увидеть, как из темноты однажды проступит обрывок прошлой жизни.

От навалившихся невеселых мыслей на лице Ольги Дмитриевны мелькнула тень и на переносице появилась еле заметная складка. Она отвернулась от окна и посмотрела на детей.

Школьный кружок по рукоделию получился разновозрастным. Девочки постарше осваивали швейную машинку, а первоклашки – только и того, что учились разглаживать ткань и переносить чертеж. Шили одежду и разодевали своих кукол.

Вика Савина неумело резала ткань. Ножницы не слушались. Линия разреза получилась такая кривая, что Ольга Дмитриевна на расстоянии заметила недодел. Девочка пыталась исправить ошибку. Заломленная ткань не слушалась и опять выскользнула из-под тоненьких пальчиков.

Ольга Дмитриевна поймала себя на мысли, что стоит ей посмотреть на Вику Савину, как тут же что-то пытается всплыть из ее потерянной памяти, какой-то незнакомый детский голос

вдруг оживал и начинал звучать в ее голове. В такие минуты она была уверена, что у нее тоже где-то есть дочь, похожая на эту девочку.

Ольга Дмитриевна с нежностью посмотрела на Вику и улыbnулась. После работы она еще целых двадцать минут будет держать девочку за руку, провожая домой. По этому поводу завуч ей уже сделала замечание. Тамара Максимовна права. Нельзя выделять одну ученицу на виду у других детей. Не педагогично. Только разве она виновата, что именно Вика Савина напоминает ей придуманную дочь.

И за поворотом школы, что бы ни говорила завуч, она возьмет девочку за руку. Даже если это и не педагогично. Всю дорогу они будут сочинять сказку.

И то, что Вика племянница директора школы, Тамара Максимовна не преминула напомнить. Опять получалось не педагогично. Выходит, мало того что Ольга Дмитриевна демонстрирует свою привязанность к девочке, так еще для опеки и девочку правильно выбрала.

Ольга Дмитриевна и сама не знала, почему эта ничем не примечательная девочка, похожая на мышонка, привлекает все ее внимание. И Олег Константинович здесь ни при чем.

А в понедельник вообще конфуз случился. Савин, вместо бабушки, встретил Вику возле подъезда, и они с племянницей пошли ее провожать до автобусной остановки. Тамара Максимовна сказала бы, что это нарушение субординации и вести себя так не педагогично. И была бы права.

О Савине Ольга Дмитриевна старалась не думать, боясь, что все ее мысли можно прочесть на лице. И тогда станет всем понятно, что Савин ее волнует.

«Зачем я ему? И провожал меня вовсе не Савин, а его племянница. Просто у него не было другого выхода», – успокаивала себя Ольга Дмитриевна, старалась не думать о Савине. Только не думать не получалось.

* * *

Олег Константинович Савин не спеша шел по школьному коридору. В административную часть можно было попасть через служебный вход, но он обычно выбирал длинный обходной путь: шел в конец коридора первого этажа, потом поднимался на второй этаж и опять шел в самый конец, чтобы с другой стороны спуститься на первый этаж. Савин делал этот ежедневный обход школы с нескрываемым удовольствием. Он любил делать обход во время уроков, когда школьные коридоры тихие и свободные. Он прислушивался к голосам, доносившимся из классов, и мог безошибочно определить, кто из учителей ведет урок.

Потом прозвонит звонок, и тишина в прямом смысле взорвется от звуковой волны. Коридоры превратятся в селевой поток. Вместо смеси воды и обломков горных пород выплеснутся старшеклассники. Как хорошо, что он убедил районо перевести начальную школу в старое отремонтированное здание.

– Олег Константинович, – Тамара Максимовна вышла из учительской и окликнула Савина, – у меня несколько вопросов к вам.

– Я вас слушаю.

Савин прислонился спиной к подоконнику, давая понять, что говорить о работе можно везде и не обязательно в его кабинете.

– Олег Константинович, я хочу поговорить о Демидовой и курсах. Скажите, у вас есть какие-то претензии к Ольге Дмитриевне?

Вопрос прозвучал неожиданно. И только благодаря вовремя прозвеневшему звонку Савин справился с волнением. Из классов выплеснулись ученики, превратив коридор в потревоженный муравейник. Тамара Максимовна замолчала, и Савин успел перевести дыхание.

– Нет, вы только посмотрите, – Тамара Максимовна подошла вплотную к Савину, – мы стоим в коридоре, а они несутся сломя голову!

– А что им делать? Энергия бьет ключом. Осенние дни стоят смотрите какие, а они сидят в классах.

– А я думаю, что дело не в теплой осени, а в классных руководителях. Надо воспитательную работу подтягивать, – назидательно сказала завуч.

– Пойдемте ко мне в кабинет, – предложил Савин Тамаре Максимовне.

«Значит, дни хорошие стоят. Может, Ольга Демидова – вовсе не пустые сплетни? Хотя верить всему нельзя. В женском коллективе могут и сами придумать, лишь бы посудачить. Как же без сплетен?» – думала на ходу Тамара Максимовна.

Савин открыл дверь, приглашая Тамару Максимовну в кабинет.

– К Демидовой у меня претензий нет. Почему вы спрашиваете о ней, Тамара Максимовна? – Савин почувствовал, как ему стало жарко в кабинете.

– Я подумала, раз ты часто посещаешь уроки одного и того же учителя – значит, у него непорядок на уроках. Так?

Тамара Максимовна, невзирая на субординацию, которой строго придерживался Савин, свободно перешла на «ты», в очередной раз напомнив, что она не как все. И свою субординацию Савин может оставить для других.

Каждый раз переход на доверительное «ты» напоминал Савину о ночи, проведенной с Тамарой.

Он хорошо помнил, как всем коллективом провожали старый год. Было шумно и весело. Был конкурс на лучшую песню, и Кузьмина трогательно спела романс. Приз за лучший танец он вручил физрукам. Пара была красивая. Спортивная. Он произнес все полагающиеся тосты и перетанцевал со всеми женщинами, после чего одним из первых незаметно покинул вечер. Молодежи без руководства будет свободнее, рассудил Савин и ушел, ни с кем не прощаясь.

Тамара Максимовна окликнула его у самого выхода возле центральной калитки. Он до сих пор так толком и не понял, как потом Тамара очутилась в его холостяцкой квартире. То ли он ее сам тогда пригласил, то ли она напросилась в гости, но в полночь они пили шампанское на брудершафт.

Наутро он почти ничего не помнил и чувствовал себя неловко, долго и нелепо извинялся перед Тамарой, не зная, как быть дальше, о чем говорить с ней, а потом она уехала домой. И ему стало легче.

– В следующий раз, когда пойдешь к ней на урок, пригласи, пожалуйста, и меня. Хотя я лучше сама посету ее урок.

– Тамара Максимовна, никаких проблем с Демидовой нет. Она очень хорошая учительница.

Последняя фраза прозвучала неоднозначно.

– А я вот все думаю, что мы поспешили оформить Демидову в штат. – Тамара Максимовна подавила ухмылку и, не дожидаясь приглашения, присела на стул. Узкая юбка слегка подтянулась, открыв ее полноватые колени.

– У нас не было другого выхода. Где б мы взяли трудовика среди учебного года? Хорошо, что Демидова согласилась.

Савин безразлично скользнул взглядом по ее коленям и опустил в свое кресло.

Изначально он предложил вакантную должность Жанне, когда та приехала в очередной раз к нему на свидание. «Что мне тогда сказала Жанна?» – ни с того ни с сего подумал Савин.

Жанна ничего не сказала. Она рассмеялась и постучала острым, наращенным ногтем по его лбу. И он понял, что сказал несусветную чушь. Жанна и работа – понятия несовместимые. Жанна была хороша в постели, а остальная работа, как она сама любила говорить, ей была строго противопоказана. И тогда, чтобы загладить оплошность, он стал целовать ее длинные тонкие пальцы.

– Хорошо-то, хорошо, но Демидова без диплома. И вообще, неизвестно, кто она. Мы ничего о ней не знаем, кроме того, что она хорошая учительница, – Тамара Максимовна с сарказмом повторила слова Савина. – Если это дойдет до городского отдела образования – нам не поздоровится.

Тамара Максимовна старательно подталкивала Савина к той мысли, что он был прав с самого начала, сомневаясь в Ольге Дмитриевне. Да и как было не сомневаться, ведь ни опыта, ни требующегося образования у Ольги на тот момент не было. Если бы учительница трудового воспитания не вышла замуж и не переехала к мужу, понятно, что Ольгу Савин на работу не принял бы.

– Тамара Максимовна, – Савин проигнорировал доверительное «ты», – вы же не хуже меня знаете: учитель – это не диплом. Диплом в наше время можно запросто купить. Учитель – это призвание. «Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и дольше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги», – Савин процитировал Макаренко. – А Ольга Дмитриевна умеет воспитывать, и дети ее любят. А это главное в нашем деле.

Тамару Максимовну дети никогда не любили. Может, оттого, что детские души остро чувствуют истинное отношение к себе, даже если оно тонко завуалировано под чуткость и доброту.

– Олег Константинович, Макаренко я тоже штудировала в институте. Только, вдруг чего, с нас спросят, а не с Макаренко.

– Тамара Максимовна, когда поднимется кадровый вопрос, тогда и будем отвечать. А насчет образования Демидовой вы не совсем правы. Ольга Дмитриевна студентка-заочница. Как-нибудь да выкрутимся. Что еще на повестке дня?

Говорить дальше о Демидовой не было смысла, и Тамара Максимовна недовольно поджала пухлые губы.

– Звонили из горно, напоминали, что мы еще не подали заявки на курсы. Нас я записала на июнь, а Кирсакову и Андрушина – на сентябрь.

Тамара Максимовна с улыбкой смотрела на Савина. Она все предвидела. О курсах договорилась еще в прошлом году, когда формировали график. Спасибо бывшей однокурснице – удалось совместить директоров и историков на июнь.

– Курсы – это хорошо. – Савин опять вспомнил ту ночь и опустил глаза. – Может, ваши отложим на осень?

– Зачем откладывать? Начало лета. Учебный год окончится, работы, считай, никакой.

– Тамара Максимовна, а про выпускные экзамены забыли? Школа без администрации не может остаться. Да, собственно, и я могу поехать осенью, мне не к спеху. А вы езжайте летом.

Курсы Савину были безразличны. Пустая трата времени. Интересными они были только первый раз. А потом из года в год одни и те же вопросы: слабое финансирование, спонсорская помощь и кадры. В этих вопросах он разбирался лучше любого доцента института последипломного образования, ибо из года в год сам решал все эти вопросы и довольно успешно.

Он и без курсов знал, что толковые кадры – это главное для школы. И привлекал и удерживал эти кадры всеми правдами и неправдами. Только благодаря кадрам его школа была лучшей во всей области.

Спонсорская помощь – отдельный вопрос. Кому интересны проблемы школы, кроме родителей учеников? Только смахивает вся эта спонсорская помощь на прикрытую взятку.

Искать спонсоров, не привлекая ничьих родителей, он научился сам, без помощи курсов повышения квалификации. И Макаренко здесь ни при чем. Откуда **великому педагогу** было знать, за счет каких ресурсов будет выживать институт школы спустя столетие.

– До лета еще далеко, – нарушила молчание Тамара Максимовна. – И подумай, стоит ли нам продлевать договор с Демидовой на следующий учебный год?

Савин кивнул головой. Подумает.

Она еще собиралась сказать, что на трудовика тоже надо заблаговременно подать заявку в гороно, но прозвенел звонок, десятиминутная перемена окончилась.

– У меня урок, – напомнила Тамара Максимовна и неохотно покинула кабинет.

* * *

Красная машина набирала скорость. Женщина, сидевшая за рулем, в один миг ощутила, как тормозная педаль провалилась под ее ногой. Машина теряла управление. Все произошло так быстро, что она даже не успела испугаться. Последнее, что она увидела, – испуганные глаза дочки, сидящей на заднем сиденье.

Машину несло на обочину, прямо на дерево, и тогда Саша закричала и... проснулась от того, что ее кто-то тряс за плечо.

– Ты кричала во сне. Что тебе снилось? – Стрельников прижал Сашу к себе.

– Я тебя разбудила? Прости. Мне снилась авария. А в машине женщина с ребенком. Я даже не знаю, выжили они или нет. Посмотри, который час?

Стрельников нехотя высвободил из-под ее головы свою руку, затем включил лампу и сонно посмотрел на часы.

– Пять утра. Может, воды тебе принести? – участливо спросил Стрельников.

– Не надо. Ты спи еще, а я пойду приготовлю тебе завтрак и заодно ужин, все равно уже не усну.

– Саша, – Стрельников взял ее за руку, – может, ну его этот сон. Ну приснилась тебе авария, и что? К сожалению, сегодня на дорогах случаются аварии. И не одна. Не исключено, что погибнут люди, и среди них могут быть и женщины, и дети.

Стрельников пытался успокоить Сашу и окончательно проснулся и теперь сидел на кровати, наблюдая за тем, как она надевает халат.

– Паша, я вижу только то, что уже случилось, – грустно вздохнула Саша. – Но, может, ты и прав. Приснился сон, и не стоит к нему придирааться. Знаешь, о чем я подумала? – Саша вернулась и присела рядом со Стрельниковым. – Юра говорил, что девочка, к которой я еду, попала в аварию, после чего перестала ходить и разговаривать. Так, может, мой сон как-то связан с тем, что произошло с ней раньше?

– В этих вопросах я тебе не советчик. Вот если бы тебя интересовал, к примеру, биткоин – я бы тебе все рассказал о транзакциях, эмиссии и технологии защиты криптовалюты. – Стрельников обнял ее за плечи и поцеловал. – Не уходи...

На кухне Саша появилась через час, не включая свет, поставила чайник на плиту и задумалась.

К ее отъезду в Грибово Стрельников отнесся довольно спокойно, здраво рассудив, что если нужна кому-то ее помощь, то, конечно, она может спокойно ехать и не беспокоиться о нем. Ничего плохого в том, что муж не стал ее отговаривать от поездки, не было. Оттого ей и было хорошо с ним, что он доверял ей и никогда не вмешивался в ее дела. С этим условием она и приняла предложение Стрельникова выйти за него замуж. Он дал слово всегда принимать ее такой, какой она есть, и с тех пор терпел все ее причуды.

«Так что в этом плохого теперь?» – задала себе вопрос Саша. Ничего плохого в этом не было бы, не получи она фотографию, на которой ее Стрельников стоял с незнакомкой возле гостиницы.

«Вот настоящая причина всего плохого, что может быть в моей жизни, – вздохнула Саша. – Мужчина, как говорил Степанков, полигамен. Тогда как же любовь? – задала себе вопрос Саша. Или единственная любовь на всю жизнь – это только моя фантазия? Выходит, полигамный мужчина может любить многих женщин, только по-разному. Полигамно».

От псевдонаучной теории Степанкова ей ни тогда, ни теперь легче не стало. И на ее короткий вопрос, что делать, он дал такой же короткий ответ – забыть. Порвать никчемное фото, выбросить в мусорное ведро – и конец мучениям. При этом он еще раз посмотрел на незнакомку. Мужчина полигамен.

Говорить Степанкову, что на Земле природа не создала ни одного вида, в котором представитель одного пола – моногамен, как, к примеру, она, а другой – полигамен, как он или Стрельников, не было смысла.

«Может, Павел хочет, чтобы я уехала, чтобы побыть одному... Или с ней. Ему нужна свобода от меня. Интересно, Стрельников приведет ее сюда или хватит ума встречаться на чужой территории?»

Противные мысли все время навязчиво лезли в голову: и когда она кормила завтраком Стрельникова, и когда его провожала на работу, и даже когда он ее поцеловал. Эти мысли мешали ей думать о чем-нибудь другом до тех пор, пока не позвонил Степанков и не сказал, что машина подана и ждет ее у подъезда.

* * *

– Анатолий, – представился мужчина, забрав у Саши увесистую сумку. Он быстро открыл багажник, аккуратно поставил вещи и так же быстро открыл дверь, предложив ей на выбор место в машине. Саша немного замешкалась, прикидывая, где удобнее расположиться. Если сесть сзади, то можно поспать, а спереди – отличный обзор дороги. Учитывая, что ехать не очень долго, Саша выбрала место рядом с водителем.

Водитель ей понравился сразу. Как оказалось, Анатолий выполнял в доме Луниных роль не только водителя, а заодно, в отсутствие хозяев, был и смотрителем дома, и завхозом в одном лице.

– В целом семья нормальная. Без придинок и всяких там закидонов, – смеясь, подытожил свой рассказ Анатолий.

Он был похож на человека, давшего своим хозяевам обет молчания, и, нарушив его, теперь старался нагнать упущенное. Из его шутливо-обстоятельного повествования Саша знала, что в загородном доме после смерти Кристины, жены Игоря Лунина, до нынешней весны никто не жил. Галина Адамовна незадолго до трагедии забрала внучку в Москву и в Грибово не навещалась. Сам Лунин жил тоже в Москве, правда, отдельно от матери.

– А теперь кто там живет?

– На той неделе приехала Галина Адамовна с Настей, дня два тому Игорь Дмитриевич привез Ксению, так сказать – невесту.

При воспоминании о Ксении Анатолий заметно оживился и, как показалось Саше, мечтательно улыбнулся.

– Еще в доме живут две сиделки по уходу за Настей. Те, правда, не местные. Я так понял, они только неделю работают, а потом им на смену привезут других. Ну а остальной народ – проходящий, из местных.

– Анатолий, вы Кристину знали?

– Как вам сказать? Я тогда только на работу устроился к ним. Из армии пришел, а тут работа наклюнулась. Вначале, пока машина Кристины Геннадиевны в ремонте была, часто возил ее в Москву. Бизнес у нее был. Ездить с ней одна умора, – засмеялся Анатолий, вспомнив былое. – Вы даже не представляете, сколько замечаний мне делала Кристина Геннадиевна, все нарушения, даже самые мелкие, замечала. Я ей говорю, мол, на дороге, кроме нас, ни одной машины, а она на своем стоит. Говорит, мол, это не важно. Правил надо придерживаться, и все.

– А сама как водила машину?

– Вот! Я тоже задавал себе этот вопрос. Сама-то Кристина Геннадиевна очень аккуратно ездил, по всем правилам. И вот скажите, как она только сама в аварию попала? Дорога отличная, транспортом никогда не загруженная, и такое случилось.

На дорогу Саша и сама обратила внимание. Дорога была отличная.

– Кстати, Галина Адамовна говорила, что если вы проголодаетесь, то можно пообедать по дороге. Впереди кафе.

Проголодаться за час езды Саша не успела. Да и к еде в придорожных кафе она относилась настороженно. Из чего там готовят – одному богу известно. Но молодой организм водителя, телохранителя и завхоза в одном лице требовал подкрепиться.

– Вы идите, кушайте, а я прогуляюсь. Мне закажите только кофе, если его готовят сносно.

Судя по тому, как радостно встретила водителя одна из официанток, Толик в придорожном кафе частый посетитель. Обедать он или только болтал с девушкой, Саша не видела.

Оставшуюся дорогу они ехали молча. Может, у водителя окончилась информация о Луниных, а может, все его мысли теперь занимала девушка из кафе. Саша и сама не заметила, как уснула. Разбудил ее водитель, когда машина заехала во двор. В обеденный час их никто не встречал, словно так и надо. Анатолий достал Сашину сумку и направился в дом.

– Это ж сколько надо поливать цветы, чтобы они выстояли на таком солнцепеке? – Саша старалась не отставать от водителя. И в этот момент, словно в подтверждение ее догадок, посредине клумбы, освежая брызгами воздух, забил фонтанчик.

– Здесь своя мелиорация.

Анатолий остановился на крыльце, давая возможность Саше оценить достижение прогресса. Но стоять под палящим солнцем не было никаких сил, и он шагнул в спасительную прохладу дома.

– Все отдыхают, – констатировал Анатолий очевидный факт. – Как вы смотрите, если я пока не буду звать Галину Адамовну?

Саша не знала, что ответить. Вроде и не нужна ей сейчас с дороги Галина Адамовна, но и не встретиться с хозяйкой тоже было неудобно.

– Вот и хорошо, – молчание приезжей Анатолий расценил как знак согласия. – Пусть отдыхает. Ночью с сердцем было плохо. Да от этой духоты и здоровому человеку тяжело, а у Галины Адамовны к тому же и возраст. Пойдемте покажу вашу комнату.

Водитель, телохранитель и домоуправитель, как его мысленно прозвала Саша, по-хозяйски направился в глубь дома.

– Вы будете жить на первом этаже. Здесь, я вам скажу, самое удобное место.

Анатолий и на этот раз оказался прав. Северная часть дома окнами выходила в сад.

– Проходите. – Анатолий открыл дверь комнаты и пропустил Сашу вперед. Он поставил ее сумку на пол и тихонько прикрыл за собой дверь.

«Какое-то средневековье. Дом, прислуга и никого. Сиеста у них, что ли?» Саша не спеша осмотрела предоставленные ей апартаменты.

Большая просторная комната напоминала гостиничный номер. Все было добротно и просто: кровать, тумбочка, вместительный шкаф, кресло и журнальный столик. Саша толкнула узкую дверь. Санузел сиял чистотой. Судя по свежему набору полотенец, к ее приезду готовились. Балконная дверь плотно закрыта. Значит, должен быть еще и кондиционер. На прикроватной тумбочке лежал пульт. Саша нажала кнопку, и сразу раздался знакомый шипящий звук. Комната начала наполняться спасительной прохладой. Средневековье окончилось. Саша опустилась на кровать и ощутила усталость.

«Пока все напоминает хороший пансионат. Может, Степанков пошутил и отправил меня на отдых, чтобы разрядить обстановку в семье?»

Через час за Сашей зашла Галина Адамовна и отвела ее к Насте.

Худенькое тельце девочки терялось на широкой кровати. Большая комната была неудобной и даже отдаленно не напоминала детскую. Обои темно-красного цвета в кричащем японском стиле смотрелись помпезно и мрачно. Тяжелые темно-коричневые шторы затеняли комнату.

Возможно, эта комната раньше служила спальней четы Луниных или предназначалась для гостей, но никак не была детской. Новые мягкие игрушки громоздились на комод. С некоторых даже этикетки не сняли. Выходит, девочка с ними не играла. Все это Саша отметила сразу, как только вошла в комнату вслед за Галиной Адамовной.

Девочка, почувствовав присутствие посторонних, открыла глаза и безучастно посмотрела на Сашу.

– Настенька, – Галина Адамовна присела на край кровати, – это Александра Ивановна. Она врач.

При слове врач девочка вся сжалась, от чего стала еще меньше и беззащитнее.

– Не бойся, это хороший врач, как Айболит. Помнишь, мы с тобой читали сказку? Александра Ивановна будет просто жить в нашем доме. Ведь у нас столько места, правда, Настенька?

Девочка, не проявив никакого интереса к постороннему человеку, отвела взгляд.

– Сейчас покушаешь, а потом Александра Ивановна зайдет к тебе. Договорились?

Галина Адамовна легонько погладила внучку по голове.

– Вот все, что имеем, – Галина Адамовна по привычке даже в коридоре говорила вполголоса. – Но это лучше, чем было. Спасибо Юрочке. Он нам посоветовал клинику в Израиле. Лечение ничего не дало, но я вдруг поверила, что Настенька поправится. Да и как иначе? Пойдемте я вам покажу дом.

Часть второго этажа занимала огромная гостиная, из которой открывались двери в другие комнаты.

– Здесь две спальни и две гостевые комнаты. Там – комната нянечек. Чтобы рядом с Настей были всегда. Мне так спокойнее. Там библиотека, есть компьютер, будете потом пользоваться.

После осмотра второго этажа они спустились вниз.

– А где раньше была комната Насти?

Вопрос несколько удивил Галину Адамовну. Первое, что должно интересовать доктора, по ее мнению, – это заключение о результатах лечения и обследованиях, но никак не бытовые вопросы. Она заранее приготовила все выписки, и теперь они невостребованные лежали в ее комнате.

– Сразу после рождения Настя спала с родителями, в их комнате.

Говорить постороннему человеку о том, сколько было потрачено ее сил и нервов на объяснения невестке, что ребенок должен привыкать спать отдельно, Галина Адамовна не стала.

Кристина с доводами соглашалась и, пока свекровь гостила, оставляла Настю в детской. Но после ее отъезда, как подозревала Галина Адамовна, девочку снова забирала в свою спальню. Теперь те дни казались самыми счастливыми. У сына тогда были жена и дочь, одним словом, семья. Галина Адамовна тяжело вздохнула.

– Потом, конечно, Настенька спала в своей комнате на первом этаже. А когда внучка переехала ко мне, Кристина затеяла ремонт. Детскую мебель перенесли временно во флигель. Он там, за домом, – махнула рукой Галина Адамовна. – А после смерти Кристины Игорю уже не до ремонта было. Так все и осталось. Думаю, мебель за это время пришла в негодность. Но, сами понимаете, мебель – не проблема.

– Вы мне покажете Настину комнату?

– Конечно. Но... Теперь ее занимает Ксения. Я даже не знаю, уместно ли смотреть комнату в ее отсутствие?

– Вы правы. Посмотрим вместе с Ксенией. Галина Адамовна, расскажите мне для начала о Насте все, что вы считаете главным.

– Вы знаете, для меня все, что связано с внучкой, – главное. Настя и есть то самое главное, ради чего я живу на свете. Если вы не против, то пойдемте в сад. Жара спала.

– Галина Адамовна, а почему Настя после аварии стала жить с вами?

Лунина, шедшая впереди, приостановилась. Отвечать на подобные вопросы она не была готова. Спина напряглась. Вопрос чем-то встревожил женщину. И Саша это заметила.

– Мы сюда приезжали только на выходные. – Галина Адамовна не стала отвечать на вопрос. – Тогда Настя занимала гостевую комнату, которая отведена вам. Вас комната устраивает? Если нет – можно выбрать другую. Места в доме, сами видели, достаточно.

Узкой тропинкой они спустились к пруду. Пруд, как и весь дом, готовили к приезду Галины Адамовны на скорую руку. Все сделали, а мелкие недочеты остались на потом. Вот и к водоему дорожка усыпана гравием, обрамлена цветами, только никто не учел солнцепека, и растения привяли. Желтые соцветья клонились к земле. Гравий, не до конца укатанный, местами образовал горки. Идти в босоножках было неудобно.

– Этот дом сын построил по своему проекту. Для семьи. Он занимается строительным бизнесом. Успешно строит дома для других, а себе ничего построить не может, – по-матерински вздохнула Галина Адамовна. Ее замечание касалось исключительно личной жизни сына. – А теперь Игорь предпочитает жить в Москве. Здесь, кроме меня, еще живет Ксения. Невеста Игоря, – уточнила Галина Адамовна.

В уточнении Саша услышала нотки горечи.

– Конечно, никакая мачеха не заменит мать, но Ксения к Насте относится хорошо, и мне уже на душе легче.

«На роль жены – все подходят. Игорь состоятельный жених. А будет ли Ксения матерью для Настеньки? Веселая, улыбчивая, а там поди разберись», – тревожно подумала Галина Адамовна.

Свою покойную невестку Кристину Галина Адамовна всерьез не воспринимала никогда, с самого начала считая ее не парой сыну. Собственно, претензий особых к Кристине у Галины Адамовны и не было. Спокойная, добрая, даже излишне тихая и Игоря любила – материнское сердце ведь не обманешь. Только она-то видела рядом с сыном совершенно другую женщину. Но муж покойный тогда был на стороне Игоря. Если любит – пусть женится. А что Кристина? Ни роду, ни племени. Образование слабенькое. Швея-мотористка. Прозвище, данное невестке, прочно засело в голове Галины Адамовны. И чтобы избежать щекотливых вопросов, ей пришлось знакомым говорить, что невестка – дизайнер. К удивлению самой же Галины Адамовны, из Кристины действительно получился хороший дизайнер. А потом появилась Настя, и лед в отношениях с невесткой стал потихоньку таять.

– Галина Адамовна, – вдохнув теплый воздух, Саша собралась с силами, – я хочу вас сразу предупредить, чтобы потом не возникли недоразумения, у меня совершенно другой подход к лечению. Да, собственно, я и лечением это не могу назвать.

– Что вы, что вы, – Галина Адамовна прервала Сашу, – Юра мне говорил о вас. Я верю, что вы поможете. Настенька будет ходить в школу, у нее будет все хорошо. Правда? А я сделаю все, что только от меня зависит, все, что вы скажете.

Открытая улыбка, мелькнувшая на лице Галины Адамовны, мгновенно преобразила уставшую женщину. Стоило только представить Настеньку здоровой и счастливой, как глаза ожили и заблестели, отчего женщина выглядела помолодевшей, словно сбросила десяток лет.

Наверное, раньше она была интересной женщиной. Ведь и теперь, невзирая на возраст, Галина Адамовна выглядела хорошо. Стильная стрижка и отлично подогнанное по фигуре платье лишний раз говорили, что Галина Адамовна постоянно следит за собой.

– Можно вас звать просто Сашей, без отчества?

– Конечно. Зовите.

Разговаривая, они незаметно пришли в самый конец участка, за которым начинался лес. От пьянящего воздуха и тишины Саша почувствовала легкую усталость.

– Кто у вас следит за всем этим? – Саша провела рукой невидимую границу.

– Повезло с садовником. Весной и осенью он берет в помощь людей из поселка, а остальное время ему жена помогает. Хорошие люди. Живут здесь недалеко. Кристина любила возиться в саду, – вспомнила Лунина.

– А кто с Настей занимается?

– Няни круглосуточно. Обе с медицинским образованием. Молодые. Ушли на пенсию по выслуге лет. И я всегда рядом, и Ксения. Но, если кто нужен еще, вы мне скажите, Игорь оплатит любых специалистов.

Обратную дорогу они говорили о жизни в целом. К дому подошли с северной стороны, и Саша увидела окна своей комнаты. Прав был Анатолий – вид с террасы, на которую выходила дверь ее комнаты, был поистине божественный. Если б не эта удушающая жара – сказочный рай на земле.

Поздно вечером громыхнул пару раз гром. На неостывшую землю обрушился дождь. В открытое окно ворвалась прохлада. Саша уснула сразу, стоило коснуться подушки. До самого утра она спала без снов, чего давно с ней не было...

* * *

В кабинете Лунина надсадно зазвонил мобильный телефон, а через минуту – городской. В такой последовательности обычно звонили только два человека.

Ирена, секретарь Лунина, с интересом прислушивалась к звонку.

«Если звонит Галина Адамовна, то Игорь сегодня меня пригласит на ужин, а если Ксения – не пригласит». Ирена быстро загадала желание и стала ждать. Галина Адамовна, если сын не отвечал и на городской телефон, сразу перезванивала в приемную. Ксения – никогда.

– Да, приемная господина Лунина, – улыбнулась собеседнику Ирена.

– Ирена, где Игорь Дмитриевич?

– В переговорной, на совещании. Что передать?

Галина Адамовна на минутку задумалась, решая, стоит ли посвящать в проблему секретаря.

– Передайте, чтобы, как освободится, срочно позвонил мне.

Ирена не успела сказать, что просьбу непременно выполнит, как в трубке раздались короткие гудки. Она сразу сделала пометку в открытом блокноте, а потом еще и подчеркнула толстой жирной линией. Только бы не забыть. Однажды, в самом начале работы, она передала просьбу Галины Адамовны с опозданием. И вопрос о ее увольнении встал на повестке дня. Пришлось звонить Галине Адамовне и приносить извинения за свою рассеянность. С тех пор все, что говорила Галина Адамовна, подчеркивалось вот такой жирной линией.

Ирене порой казалось, что руководит везде и всюду одна Галина Адамовна. И даже Игорь Дмитриевич, владелец строительной компании, у нее всего лишь мальчик на побегушках.

Лунин в зал переговоров, служивший еще и залом заседаний, зашел последним. Неприятности из личной жизни перекинулись на бизнес и теперь шли чередой.

Продажа квартир застопорилась. Жилой комплекс сдан, а квартиры не раскуплены. Может, действительно надо было прислушаться к советам коллег и не разрывать контракт с риелторской конторой, но он слушал только себя. Идея организовать свой отдел продаж показалась ему довольно перспективной, но требовала доработки, а ему сейчас не до этого.

Лунин тяжелым взглядом обвел зал. Все приглашенные сотрудники сидели на привычных местах, открыв блокноты для записи, и ожидали объяснений, ради чего он их внезапно собрал среди рабочего дня.

Из общего плана выбивались только два человека: заведующая отделом продаж – потому что была единственной женщиной в мужском коллективе, и Власенко, потому что был единственным, кто упорно не признавал дресс-код организации, в которой работал без малого пятнадцать лет. И теперь на фоне дорогих летних костюмов Власенко в потертых джинсах и мятой льняной рубашке навывпуск выглядел случайным человеком на фоне чопорной администрации. Поначалу Лунин даже пытался делать ему замечания, но Власенко никак не мог взять в толк, зачем облачаться в костюм, когда есть столько удобной одежды.

Проблему продажи квартир Лунин вынес на обсуждение сотрудников.

Первым слово взял пиар-менеджер. Молодой, энергичный парень свои идеи излагал предельно просто и доходчиво. Лунин понял все, кроме одного, – почему при таком многообещающем подходе квартиры не продаются? И задал вопрос, на который не получил внятного ответа.

Заведующая отделом продаж, тридцатилетняя Екатерина Стоянова, говорила, как всегда, долго и обстоятельно.

– ...Поэтому мне бы хотелось, чтобы Андрей Иванович объяснил, почему наша компания делала повторный ремонт в сороковой и сотой квартирах на старом объекте? – Стоянова обратилась к Власенко и посмотрела на Лунина, ища у него поддержки. – И не влияет ли этот факт на имидж компании в целом?

Лунин хотел сказать, что в сложившейся ситуации надо не старое вспоминать, а думать, как быть теперь, но в разговор встрял Власенко:

– Катерина Михайловна, не думайте, что только вы одна умеете считать деньги компании. Все мы считаем! И о имидже знаем, и не по тренингам, как вы, а из жизни!

Власенко специально назвал заведующую отделом продаж Катериной вместо Екатерины, вспомнив, как она его лично просила обращаться к ней по всем правилам. И видя, как та сразу нахмурила тоненькие татуированные брови, улыбнулся, понимая, что все это ребячество.

Власенко редко спорил с Екатериной, считая ниже своего достоинства что-то доказывать женщине, и ее мнение никогда его не интересовало. Но со стороны теперь все выглядело так, словно квартиры не продавались исключительно по его вине. Власенко начал заводиться.

– Я понимаю, что из кабинета вам, Катерина, как-то виднее, что мы делаем не так на стройке. А ничего, что владельцы сразу начали перепланировку, даже не удосужившись посмотреть на план квартиры, и затронули несущие конструкции? По-вашему, я должен в каждую перепланировку вникать? В каждую дырку лезть? Они владельцы – пусть делают что хотят!

– Но, может, все-таки, Андрей Иванович, вам надо больше контролировать работу своих сотрудников? Может, дело не только в несущих конструкциях? – Екатерина опять обратилась к Власенко. – В десятой квартире недавно и без перепланировки посыпалась штукатурка.

Власенко еле сдержался от комментариев. В десятую квартиру попал бракованный цемент, и лаборатория это подтвердила, но не оправдываться же ему перед этой пига-лицей.

Екатерина обвела взглядом зал, надеясь найти поддержку среди присутствующих. Но принимать чью-либо сторону, когда не ясна позиция Лунина, никто не решился. Видя это, Екатерина сняла очки и, близоруко сощурился глаза, села на свое место.

– Значит, так, мой трудовой ресурс не трогать! Катерина, это ваш отдел не в состоянии продать квартиры! Чем вы занимаетесь в компании с утра до ночи? А? Тогда, может, пусть, как раньше, продажей занимаются риелторы, а вы попробуете реализовать себя на другом поприще?

Екатерина Стоянова покраснела. Она всегда краснела, как девчонка, когда на нее давил своим авторитетом Власенко.

– Ладно, – Лунин прервал назревающий скандал. – Екатерина, сколько у нас зависло квартир?

– Тридцать.

– Поступим следующим образом – сделаем в оставшихся квартирах ремонт под ключ и постараемся продать.

– Это дополнительные расходы, а как же быть с изначальной ценой? – подал голос главный бухгалтер.

– У вас есть более конструктивные предложения? – задал встречный вопрос Лунин. Вариант с продажей квартир он для себя выбрал и больше не хотел никого слушать.

Власенко захлопнул ненужную папку и вовремя замолчал. В лексиконе у него оставались только непечатные слова, и все они касались исключительно Екатерины Стояновой.

– Цену квадратного метра оставим прежней. Срочно просчитайте и доложите мне, что мы будем иметь, если в будущем станем продавать жилье под ключ? – распорядился Лунин.

Идея строительства и продаж квартир с выполненными внутренними работами, внезапно пришедшая в голову, непроизвольно втянула Лунина в рабочие проблемы, и он на минуту забыл о нависших личных проблемах и шантаже.

Коллектив зашумел, обсуждая неожиданную идею шефа. Лунин тяжело вздохнул и задумался, понимая, что если он в ближайшее время ничего не предпримет, то платить придется Эдуарду с каждым разом все больше и больше. И этому не будет ни конца, ни края. «Аппетит приходит во время еды», – мрачно подумал Лунин.

Через полчаса совещание окончилось. Все, кроме Власенко, покинули зал переговоров.

– Как дела с цементом?

– Да никак. Чувствовала моя душа – не стоит связываться с непроверенными мошенниками.

– А что, мошенники бывают еще и проверенные?

– Бывают, – утвердительно кивнул Власенко. – Я весь заказ отправил обратно на склад.

– Предоплату вернут?

– Уже вернули. Я им передал заключение экспертизы и пригрозил судебным иском. Перенимаю опыт Ханенко.

– Андрей, у тебя есть кто-нибудь в органах? – Лунин задал вопрос, который волновал его больше, чем возврат цемента.

– Очередной наезд?

– С наездом я бы разобрался без тебя. У меня легальный вопрос. Помнишь, ты говорил о родственнике? Мне нужна консультация.

– Ну, я позвоню и договорюсь. Если у тебя все – я поехал.

– Слушай, Андрей, ты чего прицепился к этой Стояновой?

– Да ничего я не прицепился! А ты чего? Спишь с ней?

– Нет. Я не люблю таких. Слишком правильная. Одна морока.

Лунин пожал протянутую руку Власенко и впервые позавидовал женщинам. Ибо женские слезы нельзя принять за беспомощность и плакать женщинам простительно.

Он хотел предложить Власенко выпить, но, рассудив, что, выпив, сам может наговорить лишнего, быстро простился и направился в свой кабинет.

На мобильном телефоне, лежащем на столе, было пропущено больше десятка звонков, три из которых были от Ксении.

– Игорь Дмитриевич, – Ирена приоткрыла дверь кабинета, – вам звонила Галина Адамовна, просила перезвонить.

Лунин набрал номер сразу, как закрылась дверь за секретаршей. В душе что-то шевельнулось похожее на тревогу. Первое, о чем он думал всегда, когда звонила мать, что Насте стало хуже.

Он, волнуясь, ждал, когда мать возьмет трубку, и, только услышав ее спокойный голос, расслабился. Слава богу, все оказалось намного проще. Очередной врач, которого где-то раздобыла мать по совету Степанкова, хочет что-то изменить в Настинной комнате.

«Профессура, значит, окончилась, раз мать перешла на простых смертных. Все правильно, если не знает врач, что делать, а деньги уже взял в качестве гонорара, то пусть хоть в комнате порядок наведет. Тоже мне – дизайнер». Все, о чем он успел подумать, матери говорить не стал и дал утвердительное «добро» на все начинания нового эскулапа.

– Мать, давай без подробностей. Расселяйтесь, переселяйтесь, делай все, как сама считаешь нужным, только проследи, чтобы стены на месте остались. И Насте чтобы от этого не стало хуже.

* * *

Под вечер опять началась гроза. Ливень стоял стеной, барабанил в окна. Саша лежала на кровати, наблюдая за непогодой. Сотовая связь, подчиняясь своим законам, не работала. Дозвониться до Стрельникова не удалось и после ужина. В поисках сети она медленно прошла по комнате, вышла на террасу, но телефон упорно молчал. Последнюю неудачную попытку дозвониться в город, как на большую землю с какого-нибудь острова, Саша сделала со второго этажа. И только после того, как и эта попытка не увенчалась успехом, она вернулась в комнату, решив до утра не брать в руки телефон. Чтобы чем-то себя занять, она пыталась одновременно смотреть телевизор и читать книгу. Пытаясь сосредоточиться на местных новостях, Саша уснула.

Посреди комнаты стояла женщина с ребенком. Она сняла с девочки мокрую от дождя куртку и бросила на кресло. Затем взяла ребенка на руки. Она что-то говорила. Что-то смешное. Притихший ребенок ожил и рассмеялся звонко и счастливо. Женщина поцеловала дочку и опустила на пол. Дверь беззвучно открылась, и в комнату зашла еще одна женщина. Она приблизилась к девочке, и та, перестав смеяться, испуганно спряталась за матерью, обхватив руками ее стройные ноги. Удивительно, как женщины были похожи между собой.

– Что тебе надо?

– А ты не знаешь? Все.

– Бери что хочешь и уходи.

– Нет, Кристина, так не пойдет. Уйти должна ты. – Женщина присела на корточки и погладила по голове девочку. – А мы с Настей останемся. Правда?

В ответ девочка еще сильнее прижалась к матери и заплакала.

– Я без дочери не уйду.

– Смотри, дело твое. Можете уходить вместе. Я вас не держу.

Женщина, похожая как две капли воды на Кристину, резко поднялась и подошла к Саше.

– Они снова будут вместе, и у них будет все хорошо, но только после того, как я уйду. Мне давно уже пора, только я не могу без ее прощения. Помогите мне. Она тебя послушает. Это тебе, – женщина положила книгу на кровать.

– Ты кто? – прошептала Саша.

– А ты сама не видишь?

Женщина грустно улыбнулась, и ее силуэт начал таять.

Саша проснулась и провела рукой по постели – книги нигде не было. В комнате работал телевизор. На табло телефона высвечивалась полная лесенка. В три часа ночи в поселке снова появилась сотовая связь.

Саша приоткрыла дверь и выглянула в коридор. В доме стояла тишина, и только было слышно, как в саду за окном упало яблоко. Потом она долго ворочалась, думая о приснившихся

женщинах. И когда поняла, что не уснет, набросила халат и тихонько на цыпочках пошла в библиотеку.

В лунном свете она нащупала выключатель и, когда в комнате вспыхнул яркий свет, прищурила глаза. «Если допустить, что книга находится здесь, в этой библиотеке, то найти ее дело непростое. А найти я ее обязательно должна, иначе она бы мне так настойчиво не снилась».

В каком порядке осматривать книжные шкафы в три часа ночи, она не знала и начала по часовой стрелке. Чтобы сэкономить время, Саша стала бегло рассматривать переплеты книг. На все про все она незаметно потратила час. От ходьбы задрав голову мышцы шеи затекли, Саша опустила голову, и взгляд наткнулся на толстую книгу в зеленой обложке.

«Ну кто сказал, что поиск надо начинать по часовой стрелке? Сделай я наоборот – и не пришлось бы тратить время впустую, – вздохнула Саша».

Книга при ближайшем рассмотрении оказалась семейным альбомом четы Луниных. Оставаться в библиотеке среди ночи Саша не стала, и, взяв под мышку альбом, она так же неслышно вернулась обратно в свою комнату.

Улегшись удобно в кровати, она положила на колени альбом. Рассматривать чужие фотографии Саша не любила. Пересилив себя, она открыла альбом Луниных.

На первой странице была фотография ослепительной красавицы. Саша, осторожно отжав тоненькие металлические уголки, извлекла фотографию и посмотрела на обратную сторону.

Судя по надписи и дате, эту фотографию десять лет назад Кристина подарила Игорю.

На следующей странице была фотография Лунина. Волево лицо, уверенный взгляд. Лунин был если не красавцем, то довольно привлекательным мужчиной.

Дальше шли коллективные фотографии. Судя по снимкам, чета Луниных имела много друзей, была гостеприимна и умела весело отдыхать. На двух фотографиях Лунин запечатлен только с Кристиной. Было видно, как он нежно обнимал беременную жену.

Следующая фотография сделана значительно позже – день рождения Насти. Большой торт в форме бабочки с одной свечой. Дальше шли детские фотографии. Настя выросла на глазах.

Последняя фотография в альбоме опять со дня рождения девочки. Торт поражал воображение: огромный замок, на башнях которого примостилось шесть фей – свечей. Насте исполнилось шесть лет. Больше фотографий в альбоме не было. И только отдельно, через несколько пустых страниц, Саша обнаружила две фотографии Кристины. Женщина была по-прежнему красивая, только красота была другая. Взгляд более жесткий и цепкий, натянутая улыбка, – от былой мягкости не осталось и следа.

Саша еще раз бегло просмотрела фотографии. «Странно, зачем мне приснился этот альбом. Кроме чужой жизни, в нем ничего больше нет». Она отложила альбом в сторону и блаженно потянулась в постели. Какая-то мысль, недодуманная до конца, провалилась в сон.

К завтраку Саша немного опоздала. Когда она появилась на террасе, Галина Адамовна с Ксенией готовились пить чай.

– Сашенька, проходите присаживайтесь. Как спалось? Гроза не тревожила? – Галина Адамовна радушно махнула рукой, показывая на свободное кресло.

– Раз к завтраку опоздала – значит, спала хорошо, – с едва заметным ехидством отметила Ксения.

Почему не спать, когда спишь. Работа подождет. Она бы и сама в такое пасмурное утро спала с удовольствием. Но добровольно выбранная роль требовала иной игры.

– Сон – это хорошо. А я целую ночь проворочалась в постели. Только усну и просыпаюсь. Гроза. Кристина снилась. Словно живая, – Галина Адамовна тяжело вздохнула.

– Настя еще спит. Я заходила. – Саша положила на тарелку аппетитную гренку с помидорами и сыром.

«Вот проныра. Заспала и так ловко выкрутилась. К Насте она заходила. А Галина Адамовна готова верить всему». Ксения с интересом посмотрела на Сашу.

– Галина Адамовна, расскажите мне о Кристине, раз уж вам она приснилась.

– В смысле? – Еле заметная тень пробежала по лицу хозяйки дома. – Кроме того, что я уже говорила, мне вроде и добавить нечего. – Галина Адамовна на минутку задумалась.

– Галина Адамовна, у вашей невестки были сестры?

– Кристина из детдома.

– А родственники?

– Родители погибли, когда она была совсем маленькой. О родственниках она ничего не знала. Хотя, если бы были, то наверняка навещали ее, да и Игорь знал бы о них. Секретов у них друг от друга никогда не было.

– Галина Адамовна, скажите, на какой машине ехала ваша покойная невестка в тот день, когда случилась авария?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.